

Пугачевцы въ Пензенскихъ и Тамбовскихъ вотчинахъ.

Среди многочисленныхъ волненій крестьянъ, бывшихъ въ царствованіе Екатерины II-й, ни одинъ періодъ ея правленія не былъ такъ богатъ этими волненіями, какъ время съ 1763 по 1769 г. Причину этого, обыкновенно, находятъ въ появленіи цѣлаго ряда указовъ, изданныхъ правительственною властью, и въ принятіи цѣлаго ряда мѣръ, содѣйствовавшихъ возбужденію волненій, хотя, сами по себѣ, принятые мѣры преслѣдовали совсѣмъ другія цѣли. Одною изъ такихъ мѣръ, послужившихъ, такъ сказать, началомъ всѣхъ послѣдующихъ волненій, безусловно можно считать манифестъ 18-го Февраля 1762 года: Петръ III, какъ извѣстно, ознаменовалъ, свое короткое царствованіе изданіемъ этого манифеста, который освобождалъ дворянъ отъ обязательной службы государству.

Народъ объяснялъ себѣ крѣпостную зависимость отъ господъ тѣмъ, что онъ отданъ государствомъ на служеніе барину, пока баринъ несетъ царскую службу. Разъ служба прекращается, прекращается и его зависимость. Если господинъ не служить Государю, тѣмъ самымъ онъ получаетъ возможность и способъ озаботиться лично о своемъ благосостояніи. На сколько увѣренность въ правотѣ этой идеи была велика, видно изъ того, что, не смотря на то, что не прошло еще и полугода со времени изданія этого манифеста, какъ правительство вынуждено было объявить крестьянамъ, что они по прежнему должны служить помѣщикамъ и быть въ полномъ ихъ повиновеніи. Конечно, едва ли это подтвержденіе могло разувѣрить крестьянъ въ правотѣ ихъ мысли. Тѣмъ болѣе, что, находясь, надъ гнетомъ помѣщицкой власти, они ясно видѣли, какъ рядомъ съ ними жили дворцовые и казенные крестьяне. Вспомнимъ еще о ходившемъ въ то время слухѣ, что созывается какая-то комиссія для составленія новыхъ законовъ при участіи депутатовъ отъ крестьянъ, при которыхъ будутъ рассмотрѣны кресть-

янскія нужды, что несомнѣнно заставляло крѣпостныя сердца вѣрить въ наступленіе скорого лучшаго будущаго.

Но время шло. Протекали года, приходили новые слухи; извѣстія радостнѣе одно другаго, то-и-дѣло, доносились до населеній господскихъ вотчинъ. Уже шли толки о томъ, что рѣшено окончательно отобрать землю отъ помѣщиковъ, которые отличаются особой жестокостью съ своими крѣпостными, или обременяютъ ихъ невыносимыми оброками, или занимаются продажей людей по ярмаркамъ, въ раздробь, какъ скотъ, отторгая сына отъ отца, дочь отъ матери. Говорилось рѣшительно, что Государыня приказала не требовать съ крестьянъ болѣе одного дня барщины для помѣщика; говорили даже, что совѣмъ отберутъ крестьянъ отъ господъ, однимъ словомъ, скоро наступитъ желанный день, конецъ помѣщичьей власти.

Правда ли, иль неправда была во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ, тѣмъ не менѣе они радостно волновали мужицкія сердца; все питало надежду, а время, между тѣмъ, шло, дѣло не подвигалось впередъ, только угнетеніе сильнѣе чувствовалось со стороны помѣщиковъ, что и разрѣшилось потомъ взрывомъ въ 1774 году, пугачевщиной.

Пугачевъ отлично учелъ это настроеніе, или, вѣрнѣе, наученъ былъ въ раскольничьихъ скитахъ, чѣмъ затронулъ самыя чувствительныя струны крѣпостничества, обѣщая однихъ пожаловать древнимъ крестомъ и бороною, другихъ рѣками, морями и землями, а посесіонныхъ крестьянъ, какъ обремененныхъ заводскими работами, обѣщаніемъ, что этотъ народъ „яко Израильтяне, отъ ига рабства будетъ избавленъ“

31-го Іюля 1774 года, т. е., на другой день по выступленіи изъ Саранска, Пугачевъ издалъ манифестъ гласившій такъ: „Жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподанными рабами собственной нашей коронѣ; награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвой, головами и бородами, вольностью и свободой, не требуя рекрутскихъ наборовъ“... Манифестъ оканчивался такъ: „Кои прежде были дворяне въ своихъ помѣстіяхъ и вотчинахъ, оныхъ противниковъ нашей власти и возмутителей имперіи, и разорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать, и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ вами, крестьянами“.

Несомнѣнно, всѣ обстоятельства того времени убѣждали крестьянъ вѣрить и думать, что Пугачевъ дѣйствительно царь, дѣйствительно

императоръ Петръ III и манифестъ его царскій; а если это такъ, то нельзя слушаться его царской воли. Да и какъ было не вѣрить? Припомнимъ его рѣчь, съ которой онъ обратился въ Саратовъ къ народу, начавъ ее словами: „Я вамъ законный императоръ!“...

А въ манифестѣ ясно была выражена эта воля: „всѣхъ дворянъ, оныхъ возмутителей и разорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать“. Слѣдовательно, кому была охота сдѣлаться слушникомъ царскаго велѣнія и претерпѣть за это тягчайшія кары?

Вотъ почему крестьяне считали своею обязанностью ловить всѣхъ помѣщиковъ и представлять ихъ на судъ главарямъ разбойничьихъ шаекъ.

Въ самомъ же дѣлѣ, относились ли крѣпостные крестьяне въ эту эпоху съ кровожадностью или съ особой лютостью къ своимъ помѣщикамъ? Намъ, кажется, нѣтъ. Правда, они принимали участіе въ волненіяхъ, сопровождавшихся грабежомъ помѣщичьяго имущества, чтобы лишить ихъ возможности вернуться въ свои гнѣзда, но не въ убійствахъ; развѣ въ наличности оказывалась какая нибудь особенная жестокость барина по отношенію къ крѣпостнымъ, заставлявшая поднять на него руку. Если же указываютъ на великое число погибшихъ въ пугачевщину дворянъ и приказныхъ, то мы не должны забывать, что виновниками въ этомъ, въ подавляющихъ случаяхъ, были Калмыки, казаки и каторжники, выпущенные изъ остроговъ, предводительствовавшіе шайками, но не сами крестьяне.

Это лучше всего можно видѣть въ движеніи пугачевщины, не въ общемъ ея теченіи, какъ обыкновенно трактуется она въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ, а въ томъ, какъ движеніе протекало въ отдѣльныхъ имѣніяхъ и вотчинахъ. То, что происходило въ отдѣльной вотчинѣ или деревнѣ и даетъ въ общемъ ту картину, какъ это движеніе было въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ.

Въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе крайне малаго количества матеріаловъ, которые выясняли бы намъ, что происходило въ каждомъ помѣстьи, въ каждой вотчинѣ, большую цѣнность имѣютъ дѣла, въ коихъ потерпѣвшіе помѣщики, описывая подробно разгромъ своихъ вотчинъ, просятъ пособія у правительства о возмѣщеніи понесенныхъ ими убытковъ. Всѣ эти дѣла имѣютъ обыкновенно такой заголовокъ: „о разграбленіи имѣній во время происшедшаго замѣшательства отъ воровскихъ злодѣйскихъ Пугачева шаекъ“. Но нужно сказать, что въ 1774 году уѣзды Темниковскій, Шацкій, Тамбовскій, Верхнеломовскій, Инсарскій и др., находящіеся нынѣ въ губерніяхъ Пензенской и

Тамбовской, принадлежали къ Воронежской и находились въ вѣдѣніи Воронежскаго губернатора. По этому дѣлу по поводу разграбленія и требованія пособій сосредоточивались въ Воронежѣ. Вотъ почему архивъ Воронежской Казенной Палаты хранить въ себѣ множество дѣлъ, относящихся къ этому періоду ¹⁾.

Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ 31 Марта 1775 года, повелѣвалось „учредить въ трехъ губерніяхъ Московскому Дворянскому Банку три экспедиціи, въ томъ числѣ одну въ Нижнемъ-Новгородѣ“. изъ коей и предписывалось „раздавать взаимобразно на вспоможеніе и поправленіе жителямъ Нижегородской и Воронежской губерній, единственно только тѣмъ, которыхъ недвижимыя имѣнія и пожитки граблены и разорены во время и по причинѣ возмущенія въ 1774 году“.

Кромѣ того Правительствующій Сенатъ увѣдомилъ 28 Мая 1775 г. Воронежскаго губернатора генераль-поручика и кавалера Шетнева, что по указу Ея Императорскаго Величества, „Правительствующій Сенатъ приказалъ ему г. губернатору предписать“, чтобы онъ, „какъ наискорѣе по своей губерніи собралъ и сообщилъ вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія о разоренныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ, въ коихъ объявлено было бы, сколько въ вотчинахъ по свѣдѣнію ревизіи мужска пола душъ состоитъ, за кѣмъ послѣднимъ состояло и къ кому пришло въ наслѣдство; также равномѣрно показать фабрики и заводы, а гдѣ есть у кого и городскіе дворы, кто надъ оными имѣніями смотрѣніе имѣетъ, и о заводахъ и фабрикахъ, что на каждомъ заводѣ по какому денежному обращенію во всякомъ году до Пугачевскаго разоренія было“.

Къ Воронежскому губернатору стали поступать прошенія, какъ о займѣ денегъ изъ Нижегородскаго банка, такъ и донесенія изъ провинціальныхъ канцелярій о количествѣ разграбленныхъ имѣній съ подробными описаніями: какимъ порядкомъ и какъ происходило расхищеніе и кѣмъ таковое совершалось. Эти донесенія такъ подробно, такъ показанія лицъ въ нихъ живы, что, выбравъ нѣкоторыя изъ нихъ именно изъ дѣлъ провиціальныхъ канцелярій Керенской, Инсарской и другихъ, мы приведемъ для большей ясности подлинныя выписи.

Вотъ, на примѣръ, полковникъ Родіонъ Васильевичъ Кошелевъ ²⁾ доноситъ

„Въ Шацкомъ уѣздѣ, въ Залѣскомъ стану, на р. Воронѣ, имѣется вотчина моя село Петровское-Кошелево тожъ, съ дер. Линевою, въ

¹⁾ Переданы въ архивъ Воронежскаго Губернскаго Музея.

²⁾ Не упомянуть въ родословіи Кошелевыхъ у Руммеля. П. Б.

коихъ записано мужскаго пола 301 душа“. „Въ ней имѣется конскій, скотный и овчарный заводы, для котораго скота немалое строеніе состоитъ, отстоящее отъ вышенисаннаго села верстахъ въ семи; хуторъ. также и пчель до 200 ульевъ, и немалое число разнаго хлѣба“. „Да на р. Воронѣ мельница, имѣющая въ себѣ для дѣланія крупчатки и молотья оржаной муки 8 поставовъ жернововъ, 3 толчей и двѣ сукно-валки, да фабрику суконную, состоящую въ 2-хъ станахъ и принадлежащихъ къ тому инструментахъ, на которыхъ ткались сукна для обиходу Московскаго моего дому; и при всемъ томъ по собственной моей экономіи къ тамошнему моему прикащику Ивану Александрову по вся годы въ прибавокъ къ тамошнимъ доходамъ изъ Москвы и другихъ моихъ вотчинъ собираемыя оброчныя съ крестьянъ деньги посылались и чрезъ надежныхъ нарочныхъ переводились на покупку въ тамошнихъ мѣстахъ хлѣба, для постановленія водяною комуникаціею въ крѣпость Св. Дмитрія и продажи разнымъ людямъ, о которыхъ моихъ поставкахъ извѣстно и Воронежской губернской канцеляріи; также для покупки на фабрикѣ шерсти и проч. припасовъ и рогатаго скота, что частію извѣстно и Тамбовской провинціальной канцеляріи, о количествѣ отправленныхъ ко мнѣ въ Москву отъ онаго прикащика повсягодно покупаемыхъ означенныхъ припасовъ, на которыя для провозу до Москвы получаемы были отъ той канцеляріи указные билеты“. „А въ прошломъ 1774 году въ Августѣ мѣсяцѣ, наѣхавшею злодѣйскою партіею помянутой прикащикъ Иванъ Александровъ, въ состоящемъ въ томъ селѣ моемъ домѣ, былъ высѣченъ плетями, которые и хотѣли было лишить его жизни, точію онъ бѣгствомъ отъ того освободился. И при томъ въ домѣ моемъ переломали и перебили всякой мебели немалое число. Онаго года въ томъ же Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ въ разныхъ числахъ наѣзжали злодѣйскія партіи въ означенное село въ немаломъ числѣ людей и разорили въ домѣ моемъ все: и покои, въ коихъ печи разломали, окна и двери, и бывшіе въ нихъ комоды, столы, стулья и всякія мебельныя вещи всѣ изрубили, переломали и сожгли посуду безъ остатка“. „Всякія же, бывшія у него прикащика хлѣбныя, денежныя прихода-расходныя книги и на вотчинныя дачи, бывшія въ томъ селѣ, выписи и всякія вотчинныя дѣла и платежныя квитанціи, всѣ пометали въ огонь, а нѣкоторыя изодрали“. „Бывшія при томъ Александровѣ наличныя деньги, собранныя имъ за проданный мною хлѣбъ и пересланныя мною на разныя покупки, разною монетою 3690 рубл. и его прикащиковъ и другихъ дворовыхъ, живущихъ въ томъ селѣ, собственныя деньги и пожитки, что они у себя имѣли, забравъ, увезли съ собой; также и скоть, имѣющійся на выше-рѣченномъ хуторѣ, забравъ, отогнали. Съ коннаго моего завода стоя-

лыхъ жеребцовъ, заводскихъ кобылицъ и мереновъ домашняго моего заводу и покупныхъ 70 лошадей и рогатаго Калмыцкаго и Черкаскаго скота коровъ и кладеныхъ быковъ отогнали 120: да барановъ и овецъ, побивъ, поѣли и отогнали 269. Состоящую въ томъ селѣ суконную фабрику, имѣющую въ себѣ два стана и къ нимъ принадлежащія прядильные инструменты, изломали и изрубили, и основу на станахъ основанную и заготовленную впредь для снованія и тканья суконъ шерстяную до 60-ти пудовъ и непряденую до 120-ти пудовъ сожгли совсѣмъ. Также и на вышерѣченной мельницѣ, состоящей при ономъ селѣ на р. Воронѣ, по возмущеніи и приведеніи въ самоволіе и непослушаніе крестьянъ присланнаго Великолуцкаго полку господина майора Перцова командою наказаны, въ коемъ своеволіи они были болѣе мѣсяца, и отъ несмотрѣнія ихъ плотину разорвало. и мельничныя инструменты изломало, и мельница стояла болѣе 5-ти мѣсяцевъ безъ всякаго дѣйствія“.

„Тѣми же набѣгающими злодѣйскими партіями и при нихъ бывшими лошадьми урожаемаго на той десятинѣ моей пашни овса и разнаго хлѣба потравили и потоптали по 30-ти десятинѣ. А при всемъ томъ, что въ томъ моемъ селѣ злодѣйскими партіями разорено и возмущеніе крестьянъ причинено, увѣдавъ, въ близости живущіе около того моего села Тамбовскаго уѣзда села Уварова, Чуева и Моисеева, однодворцы, ясашные и дворцовые крестьяне, согласясь, изъ имѣющихся въ дачахъ моихъ по р. Воронѣ блюденнаго дубоваго лѣсу множественное число строевыхъ деревъ вырубил и въ дома своя перевезли, которые и привели лѣсъ къ опустошенію“.

„И того же году въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ въ разныхъ числахъ, отъ служителя моего Алексѣя Гурьянова, какъ о разореніи и грабежѣ тѣми злодѣйскими партіями въ вышеписанномъ селѣ моемъ Петровскомъ и въ возмущеніи крестьянъ, такъ и въ порубкѣ означенными обывателями лѣсу въ Тамбовской провинціальной канцеляріи явочныя челобитныя и обрѣтающемуся въ г. Тамбовѣ Великолуцкаго пѣхотнаго полка полковнику Бибикову доношенія поданы. Да въ вотчинѣ моей Борисоглѣбскаго уѣзда, селѣ Петровскомъ-Мерлино тожъ, въ коемъ по показанной третьей ревизіи спискамъ мужска пола 48 душъ, кои находятся у меня на оброкѣ и въ тѣхъ же Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ въ разныхъ числахъ злодѣйскими партіями, часто чрезъ оное село проѣзжавшими, отогнано крестьянскихъ рабочихъ лошадей, рогатаго скота и мелкаго немалое число: также на десятинахъ неубраннаго хлѣба бывшими отъ нихъ лошадьми потравили и потоптали, а у нѣкоторыхъ крестьянъ дома и пожитки ихъ разграбили, почему

крестьяне тѣ пришли въ разореніе, почему я положеннаго на нихъ оброку, какъ за прошлый, такъ и за нынѣшній 1775 годъ, получить не могу“.

„Также въ Керенскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ моей въ селахъ Никольскомъ, Камаевѣ и деревнѣ Ольшанкѣ, въ коихъ по даннымъ по ревизіи спискамъ за покойной теткой моею, покойнаго оберъ-гофмаршала и кавалера Дмитрія Андреевича Шепелева, женою вдовою Дарьей Ивановной написано мужска пола 982 души, въ прошломъ въ 1774 году въ Іюнѣ, Іюль и Августѣ мѣсяцахъ, злодѣйскія партіи часто проѣзжали чрезъ означенныя села и хатъ не грабили, а только крестьянъ привели въ возмущеніе и велѣли бывшаго тамъ прикащика Θεофана Карпова съ женою содержать подъ карауломъ впредь для повѣшенія, обѣщавъ имъ за то, якобы будутъ они за государемъ; по которому тѣхъ злодѣевъ обѣщанію, крестьяне прикащика сковавъ, содержали его подъ карауломъ, о чемъ Керенская воеводская канцелярія извѣстна: ибо реченый прикащикъ, спасая жизнь свою, бывшаго тогда воеводскаго товарища, который нынѣ воеводою, Ивана Афиногеновича Паренаго, просилъ о взятіи его въ городъ изъ подъ караула, по коей его просьбѣ изъ города Керенска, для взятія его въ городъ, присланъ былъ сержантъ, почему крестьяне съ тѣмъ сержантомъ его Карпова отпустили, гдѣ онъ и находился до Октября мѣсяца. И отъ того Іюня мѣсяца даже до Октября крестьяне были въ своеволіи и непослушаніи, отчего они, какъ господской, такъ и свой хлѣбъ не убирали, чѣмъ и пришли въ крайнее разореніе, а я лишился урожайнаго въ томъ году хлѣба и принужденъ выдавать для пропитанія ихъ на покупку хлѣба деньги, да и впредь до урожая принужденъ тожъ дѣлать, чѣмъ причинены мнѣ немалые убытки“.

„И всѣмъ вышеписаннымъ грабежемъ и разломаніемъ въ Шацкой моей вотчинѣ дому, фабрики, мельницы, отгонѣ скота, потоптаніемъ на десятинахъ какъ въ оной, такъ и въ Борисоглѣбской вотчинѣ хлѣба и возмущеніемъ крестьянъ, причинили мнѣ, людямъ и крестьянамъ моимъ крайнее разореніе; словомъ сказать, всѣми вотчинами обладавъ, во всякихъ работахъ, въ уборкѣ урожаяемаго хлѣба, а паче посѣва въ нынѣшнемъ году ржи учинили великое помѣшательство и упущеніе времени и до того довели, что собственную мою десятинную пашню и немалое число крестьянской земли засѣвали въ самую глубокую осень, такъ что, отъ наступившей стужи, во многихъ мѣстахъ даже и всходовъ не оказалось. слѣдовательно въ настоящемъ лѣтѣ и урожаю ожидать не можно, какъ нынѣ я всю зиму крестьянъ моихъ хлѣбомъ кормилъ и впредь неминуемо до урожая кормить долженъ. И такъ до-

нынѣ сей бывшій неисчислимый убытокъ приведетъ мои вотчины въ самое истощеніе, а впредъ на поправленіе дому моему, фабрики, мельницы и на возстановленіе дома моего, моей экономіи, и на поправленіе крестьянъ и на покупку для пропитанія ихъ хлѣба потребна немалая сумма; да и по Высочайшему Ея Императорскому Величеству матернему о всѣхъ таковыхъ претерпѣвшихъ отъ тѣхъ злодѣевъ убытки сожалѣнію, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, для поправленія таковыхъ соизволила указать снабдить заимообразно немалую суммою и для раздачи учредить въ разныхъ губерніяхъ государственные банки, въ коихъ потерпѣвшія вотчины разорены, владѣльцамъ для полученія въ займъ повелѣно явиться со свидѣтельствами господъ губернаторовъ, у коихъ такіе владѣльцы тѣми деревнями въ вѣдѣніи состоятъ. И по той самой причинѣ на сей случай прошу ваше превосходительство сіе мое прошеніе принять и о всемъ вышеписанномъ, что столь вотчины мои претерпѣли разореніе и что въ нихъ подлинно то число душъ крестьянъ на лице есть, въ силу состоявшагося сего 1775 года 31 дня Марта высочайшаго Ея Императорскаго Величества указу къ полученію изъ Нижегородскаго банка по числу душъ заимообразно суммы для объявленія въ сей банкъ дать мнѣ надлежащее свидѣтельство и отдать оное повѣренному моему, служителю моему Ивану Лебедеву“.

Посланный изъ Борисоглѣбска для производства дознанія подпоручикъ Вягилевъ прибавляетъ:

„Въ подтвержденіе вышеизложеннаго въ Петровскомъ-Мерлино тожъ, помимо указанныхъ разграбленій имѣлось озеро еще запорное съ саженой рыбой, да на р. Тволжанкѣ два запора съ такой же рыбой, кои хранились до зимняго времени; но рыба вся изъ тѣхъ запоровъ злодѣями выпущена, которой по примѣру продажи въ 1772, въ 1773 годахъ было на 172 рубля“.

Вслѣдъ за этимъ, жена генераль-маіора князя Алексѣя Никитича Волконскаго, княгиня Маргарита Родіоновна пишетъ:

„Въ Керенскомъ уѣздѣ, въ Подлѣскомъ стану, на р. Хопрѣ, вотчина моя село Перевѣсино-Трехсвятительское тожъ. Въ ней, по минувшей ревизіи, за покойною теткой моею, покойнаго оберъ-гофмаршала и кавалера Дмитрія Андреевича Шепелева женою вдовою Дарьей Ивановной написано мужска пола 38 душъ, да изъ Можайскихъ мужа моего деревень послѣ ревизіи переведено 148 дворовъ, а всего 528 душъ. Въ ней имѣла я конскій, скотный, овчарный и пчелиный заводы и немалое число десятинной пашни намолоченаго хлѣба и при всемъ томъ

по собственной моей экономіи и тамошнему моему прикащику Петру Типякову по всягодно въ прибавокъ къ тамошнимъ доходамъ изъ Москвы и другихъ моихъ вотчинъ собираемая съ крестьянъ оброчныя деньги посылала и чрезъ надежныхъ персонъ переводила немалое число на покупку въ тамошнихъ мѣстахъ для провоза въ Москву рыбы, рогатаго скота и лошадей, что частію извѣстно и Керенской заводской канцеляріи о количествѣ отправляемой ко мнѣ отъ него Типякова по всягодно покупной шерсти, на которую для провозу до Москвы получаемы были отъ оной канцеляріи указные билеты“.

Керенской воеводской канцеляріи посланный для разслѣдованія оберъ-офицеръ поручикъ Болотовъ донесъ, что въ вотчинѣ госпожи генеральши Маргреты Родіоновой княгини Волконской, жены генераль-маіора Алексѣя Никитича Волконскаго, въ селѣ Перевѣсинѣ-Трехсвятительское тожъ, на р. Хопрѣ, произошло слѣдующее.

Въ 1774 году, пріѣхавшими злодѣйскими партіями въ рѣченную вотчину прикащикъ Петръ Типяковъ съ женою Авдотьей Ивановой, да земскій Семень Чернышевъ изъ дому госпожи увезены въ вотчину Государственной Коллегіи Экономіи село Вертуновку, гдѣ оными злодѣями и повѣшены. Да въ бытность въ той вотчинѣ злодѣйскими партіями убиты дворовый челоувѣкъ Иванъ Степановъ, да крестьянинъ Козьма Ѳедоровъ. Во время того возмутительнаго времени и пріѣзда показанныхъ злодѣевъ всѣ письма и платежныя квитанціи тѣми злодѣями пометаны въ огонь, а прочія изодраны. А по пересѣченіи того минувшаго бунта и замѣшательства, по прибытіи въ вотчину Сибирскаго карабинернаго полка маіора Колычева, за оный бунтъ оказавшіеся къ тому по важности участія крестьяне Еремей Алексѣевъ повѣшенъ, да Степанъ Константиновъ казненъ и тѣла коихъ положены были на колесо, а болѣе оныхъ другихъ еще таковой смертью казнено не было.

Пріѣзжавшими въ тоѣ вотчину злодѣйскими партіями въ домъ госпожи покои разорили и сняли верхи; а внутри печи поломали, окна, двери и въ нихъ комоды, и столы, и стулья, и зеркала изрубили. Да разграбленъ въ томъ господскомъ домѣ ларецъ упомянутаго крестьянина Типякова съ наличными госпожи его деньгами, а также собираемая за проданный хлѣбъ и пересланныя ему на разныя покупки золотою и серебряною монетою денегъ 3000 рубл.; да у показаннаго прикащика Типякова разграблено пожитковъ да денегъ, коихъ у него было довольно количество, забравъ, увезли съ собою на 1250 рубл.“

Наиболѣе яркую картину этой удивительной эпохи общей разрухи и разоренія представляетъ челобитная вдовы статскаго совѣтника Дубенскаго, поданная ею чрезъ ея человѣка Тимофѣя Брызгалова.

„Явившеюся партіей домъ мой со все́мъ имуществомъ разграбленъ. но о семъ разграбленіи я была не вѣдома. Я съ семействомъ находилась въ Москвѣ, а какъ въ домъ свой пріѣхала, поразсмотрѣла и увидѣла: кладовая моя-то вся разбита, въ которой состояли сундуки, какъ съ серебряной, такъ и со всякой посудой, мѣдной, оловяной, фарфоровой и хрустальной, также съ платьемъ и бѣльемъ пограблены комоды, и зеркала краснаго дерева всѣ перебиты и переломаны, чему прилагаю реестръ. Серебра, чайниковъ, подносовъ, полоскательныхъ чашекъ, ложекъ и старинныхъ кружекъ съ позолотою, вѣсомъ 2 пуда 12 фунтовъ на 1840 рубл.; мѣдной посуды кастрюлей, котловъ, горшковъ, чайниковъ, чашекъ, 35 пудовъ на 350 рубл.; оловянной всякой посуды 15 пуд. на 150 рубл.: фарфоровой и хрустальной посуды на 120 рубл.; платья бальныя и всякіе приборы, какъ-то: кружева, ленты на 1540 р.; мебель краснаго дерева, орѣховой столовой, комодовъ и зеркалъ перебито и переломано на 340 рубл. Два жеребца стоялыхъ 300 рубл., а одинъ въ 250 рубл. и другихъ“.

Перечисливъ за тѣмъ прочее имущество, подвергшееся разгрому, Тимофѣй Брызгаловъ доноситъ:

„А Сентября 10-го дня, по пріѣздѣ въ село Воловое злодѣевъ, живущая въ домѣ госпожи моей вдова умершаго прикащика Трофима Антонова Агаея объявила, что было 12 человѣкъ. Изъ той злодѣйской толпы воровъ не знаетъ откуда были три человѣка, а девять человѣкъ были Керенскаго уѣзда, близъ состоящей госпожи моей вотчины села Невѣшкина ясашные крестьяне Василиій Романовъ, Илья Хрусталева и др. съ товарищи, которые, какъ и злодѣи, были съ однимъ тесакомъ, тремя рогатинами и съ разными дрекольями и, войдя въ домъ госпожи моей, изъ оконъ стекла повышибали, а равно изрубилы сундуки и побрали и поклади въ роспуски. Изъ оныхъ злодѣевъ на жеребцахъ два человѣка верхами поѣхали, а пожитки повезли въ то село Невѣшкино въ дома свои; той госпожи моей вотчины взяли оставшуюся ѣхавшимъ и боявшимся той злодѣйской толпы отставнымъ майоромъ Алексѣемъ Ивановичемъ Баженовымъ за усталю лошадъ, мерина темносѣраго. И я просилъ послать въ село Невѣшкино за означенными злодѣями ясашными крестьянами кого надлежитъ изъ пограбленныхъ пожитковъ взять и провезть въ Керенскую воеводскую канцелярію, гдѣ учинить съ ними злодѣями по силѣ указовъ, а пожитки отдать мнѣ для отдачѣ госпожѣ моей въ село Архангельское Князь-

Ларионово тожь. А въ числѣ тѣхъ пожитковъ: кофта зеленая и такой же капоть—15 руб.; кофта къ камзолу красная; три чепца женскихъ разныхъ матерій, а одинъ съ серебряной сѣткой 2 р. 50 коп.; двѣ рубахи съ манжетами, у одной кисейныя, другая батистовая; шапка круглая малиновая, кисти шелковыя 1 р. 20 коп., и хоть грабители въ Керенской воеводской канцеляріи были сысканы и сказывали, что они якобы при грабежѣ сказанной злодѣйской толпы находились понатыми, однако тѣмъ злодѣямъ помогали, за что изъ тѣхъ пожитковъ нѣкоторое число себѣ взяли, а есауломъ былъ Ѳедька Малаховъ“.

Крестьяне, растаскивая цѣнныя вещи, какъ серебряную, вызолоченую посуду вѣсомъ въ 2 пуда 12 фунтовъ, уводя жеребцовъ, по тогдашнему времени, высокой цѣны, какъ 250 рубл. лошадь, не брезговали и такими вещами, какъ кружевыя ленты, бальныя платья, шелковыя кисточки, женскіе чепцы съ сѣтками, т. е. вещи, которыя не представляли въ глазахъ ихъ стоимости. Но въ этомъ видится явное желаніе разорить помѣщичьи дома „безъ остатка“, лишить возможности владѣльцевъ не только возобновить, но и вернуться въ ихъ насиженныя мѣста, полагая, въ простотѣ души, что, неимѣніе средствъ у господъ возобновить все по старому заставить правительство отписать ихъ отъ помѣщиковъ въ казенные крестьяне.

Эта главнѣйшая цѣль ихъ выясняется особенно изъ доношенія тайнаго совѣтника Государственной Вотчины Коллегіи президента и кавалера Лунина.

„Увѣдомляю, пишетъ онъ, что сего 1774 года Августа 20 дня въ Шацкомъ уѣздѣ, въ деревняхъ моихъ: селѣ Никольскомъ, Инжавино тожь и Кругломъ, въ Земляной и Маломъ-Лопатинѣ во многочислѣ партіи пріѣзжали злодѣя Пугачева, въ коихъ партіяхъ находились однодворцы и прочихъ сосѣднихъ селъ и деревень крестьяне на домъ помѣщичій, такъ что все, что въ немъ какихъ пожитковъ ни было, и суконную фабрику, и состоящій въ ономъ селѣ съ деревнями во жеребцахъ, кобылахъ и меренахъ немалой суммы коннаго завода разграбили и разорили и что съ собой какія пожитки взять не могли, то били и изломали, равно какъ прикащиковы пожитки и деньги; также у нѣкоторыхъ крестьянъ того села деньги пограбили“.

„Прикащикъ же Иванъ Ильинъ жизнь свою спасъ изъ тѣхъ деревень бѣгствомъ, а отецъ его бурмистръ Илья Даниловъ, правящій всѣми тѣми деревнями, злодѣями повѣшенъ: и многихъ конюховъ силою въ свою злодѣйскую партію побрали, и оставшіеся крестьяне безъ управленія пришли въ возмущеніе и непослушаніе и распутную жизнь“.

Повѣренный же Лунина, служитель его, крестьянинъ Михаилъ Буховцевъ добавляетъ.

„1774 года въ Августѣ мѣсяцѣ въ бытность въ томъ селѣ Инжавинѣ злодѣйской Пугачева партіи, причинено господину его крайнее разореніе, а крестьяне его пришли отъ того въ возмущеніе и непослушаніе и содержали прикащика за карауломъ, а бурмистра Илью Данилова въ желѣзахъ и передали его злодѣйской партіи, который отъ злодѣевъ и повѣшенъ. Я просилъ въ показанное село о посылкѣ команды для приведенія крестьянъ въ повиновеніе и для наказанія плетьюми, и по учиненіи резолюціи въ оное село Инжавино для изслѣдованія былъ посланъ поручикъ Ѳедотъ Мосякинъ съ командою, которымъ присланнымъ въ здѣшнюю канцелярію съ приложеніемъ оныхъ крестьянъ допросовъ рапортомъ представилъ, что въ томъ селѣ крестьяне слѣдованы, и оказались главными зачинщиками староста Степанъ Андреевъ, крестьяне Василій Куракинъ, Тимофѣй Смолинъ, Аванасъ Ефремовъ, Емельянъ Лукьяновъ, и изъ нихъ староста бѣжалъ, а прочіе содержатся подь карауломъ, и требоваль, что повелѣно будетъ чинить въ резолюцію?“

„А допросомъ оныя крестьяне показали въ 1774 году. Въ миновшемъ Августѣ мѣсяцѣ, а какого именно числа показать не знаютъ, что пришли отъ Пугачева злодѣйской партіи, что она въ окружныхъ селеніяхъ разъѣздъ имѣла и чинила всякія убійства и разоренія, домамъ и всякимъ пожиткамъ грабленіе, почему, по приказу его, старосты Степана Андреева, былъ собранъ сходъ, на коемъ они находились, и разсуждали на ономъ, что тѣ злодѣи по пріѣздѣ въ жительство требуютъ дворянъ, прикащиковъ, старость, и они, убоясь по тому слуху тѣхъ злодѣевъ, по повелѣнію онаго старосты Степана Андреева, согласились своего бѣрмистра Илью Данилова не для преданія и повѣшенія въ руки злодѣямъ предать, а для того, что ему въ господскомъ домѣ все было приказано и отъ разныхъ хороминъ ключи у себя имѣлъ, о которыхъ-де онъ тѣмъ злодѣямъ могъ соответствовать, коего и содержали подь карауломъ одинъ день, а по задержаніи означеннаго бурмистра имѣли они, какъ и прочіе господина крестьяне, кромѣ отлучки нѣкоторыхъ въ сіе время въ Москвѣ, совѣщаніе“.

„Все были согласны, и въ тотъ же день наѣхалъ въ село съ командою маіоръ Колычевъ и изъ подь караула показаннаго бурмистра освободить приказалъ, а потомъ вскорѣ пріѣхала въ ихъ селеніе въ множественномъ числѣ злодѣйская партія, которая была вся вооружена и ружьями и дротиками и, поймавъ означеннаго бурмистра Илью Данилова, въ селѣ били его немилостиво; а потомъ паки наѣхала черезъ

три дня вторая Пугачевская шайка числомъ человекъ ста въ двухъ или болѣе и того бурмистра взяли въ домѣ господскомъ, повѣсили. И по учиненіи резолюціи поручику Мосягину посланъ указъ и повелѣно тѣхъ крестьянъ по волѣ господина наказать плетью и чтобы они были въ должномъ послушаніи къ скрѣпленію подтвержденія подписками“.

Между тѣмъ, вслѣдствіе безпорядковъ и необсѣмененія полей въ Пензенской и Тамбовской губ., наступилъ голодъ. Дороговизна хлѣба достигла до цѣны небывалой. Современники утверждаютъ, что цѣна на рожь доходила отъ 10 до 14 рублей за четверть. Помѣщики оставались безъ хлѣба, и взять его было не откуда, такъ какъ подвозъ шелъ исключительно съ Юга. Какой хлѣбъ и былъ высѣянъ, и тотъ вслѣдствіе наступившихъ внезапно холодовъ не могъ взойти, а между тѣмъ крестьяне потребовали хлѣба на прокормленіе. Такой же баснословной цѣны достигъ овесъ и ячмень, такъ что скотъ также голодалъ, ибо кромѣ сѣна въ запасахъ по экономіямъ ничего не было. Нужда въ деньгахъ достигла крайняя, что и побудило Лунина обратиться къ Воронежскому губернатору Шетневу съ письмомъ объ ускореніи дѣла.

Лунинъ обратился и къ усмирителю края графу Петру Ивановичу Панину. Изъ отвѣтнаго письма Шетнева къ графу Панину видно, что просьба Лунина была удовлетворена послѣ ряда затрудненій.

Но если съ затрудненіями удалось Лунину добыть кредитъ по 40 рубл. на душу, то въ какомъ же положеніи должны были находиться мелкіе помѣщики при добываніи средствъ, при той страшной дороговизнѣ, для прокормленія крестьянъ? Положеніе вотчинниковъ было прямо бѣдственное...

На первый взглядъ не можетъ не казаться страннымъ, почему пріѣзжавшіе въ вотчины бунтовщики въ такомъ маломъ количествѣ (человекъ пять или даже въ числѣ трехъ), вооруженные дротиками, палашами, т. е. самымъ первобытнымъ оружіемъ, могли приводить въ паническій ужасъ чуть не все населеніе. Крестьяне не препятствуютъ имъ являться, не принимаютъ мѣръ самообороны, не защищаютъ добро ни свое, ни барское, а безпрекословно подчиняются всѣмъ ихъ распоряженіямъ и безпрекословно исполняютъ всѣ приказанія. Только наиболѣе стойкими являются бурмистры, прикащики и прочія лица, которымъ ввѣрена охрана барскаго имущества, которые и погибаютъ или истязуются на глазахъ всѣхъ присутствующихъ, при полной безучастности къ ихъ положенію. Въ этомъ отношеніи цѣнны показанія свидѣтелей при допросахъ, производившихся въ судахъ провинціаль-

ныхъ канцелярій, изъ которыхъ видится, что сами крестьяне въ большинствѣ случаевъ приглашали заправиль Пугачевскихъ шаекъ прибыть въ ихъ поселенія. Въ дѣлѣ о возмущеніи крестьянъ въ Тамбовскомъ уѣздѣ поручика Егора Сатина есть любопытныя подробности по этому поводу. Вотъ какъ доноситъ Сатинъ: „Въ деревнѣ Вязовкѣ, его же Сатина крестьянинъ Анкидинъ Зимнинъ между прочимъ показалъ, что 1774 года Августа 22-го дня пріѣзжали въ Вязовку невѣдомые люди, называвшіеся казаками, пять человекъ, да крестьяне деревни Вязовки помѣщика Митрофана Сатина со старосты со крестьянскими и прикащика Досѣкина били плетью и велѣли тѣ казаки его повѣсить, котораго они и повѣсили на воротахъ; а въ домѣ господскомъ названными казаками и помѣщиковъ Егора и Митрофана Сатиныхъ крестьяне пожитки и посуду серебряную, оловяную и мѣдную, платье и что только ни было побрали и, запрягши лошадей и положивъ тѣ пожитки, поѣхали въ с. Уварово къ однодворцу Ивану Дикину на хуторъ, почему однодворецъ Дикинъ винился, что въ деревню Аѳанасьевку злодѣями вообще съ крестьянами помѣщиковъ Сатиныхъ и иныхъ хуторовъ, незнаемые чьи пожитки въ сундукахъ и безъ сундуковъ привезены были, но отъ него увезены незнаемо куда. Помѣщика Сатина крестьянинъ Ѳедоръ Губинъ и села Русавца бывший во время замѣшательства у злодѣевъ въ подводчикахъ Мартынъ Копыловъ и Степанъ Тыртовъ между прочимъ показали, что бывшіе въ ономъ селѣ злодѣи, называемые казаками, въ числѣ шести человекъ, были въ селѣ Ржавцѣ и поѣхали въ село Вязовку, и съ ними по наряду десятскаго они были въ подводчикахъ. А въ селѣ Вязовкѣ показанные злодѣи, вѣхавъ въ домъ помѣщика Сатина, поймали прикащика Ефима Никитина, били и, отдавъ подъ караулъ, сами вошедъ въ хоромы, пожитки грабили и, вынося изъ хоромъ, клали на собственыя подводы, а нѣкоторые давали ему Сатина крестьянину. а сколько и какихъ пожитковъ пограбили, не знаетъ; и въ тотъ день, потребовавъ отъ того же помѣщика Сатина крестьянскія подводы, незнамо куда уѣхали. А также Губинъ показалъ, что бывшими злодѣйскими людьми всему злодѣйству и грабежу господскихъ пожитковъ были онаго же Сатина крестьяне и иные злодѣи, присоединясь, во всемъ имъ повиновались и во первыхъ, связавши прикащика, ходили въ домъ господскій, а оттуда пришли въ множественномъ числѣ и онаго Сатина крестьянъ стали спрашивать о господскихъ пожиткахъ, гдѣ онѣ зарыты въ землѣ, и они сказали, гдѣ онѣ зарыты и до мѣста довели и которыя пожитки вырыты и на воза покладены, чему и подводы съ проводниками отъ оныхъ крестьянъ даны были, и съ ними поѣхали въ деревню Аѳанасьевку, въ домъ Аѳанасія Сатина; а сколько у него пожитковъ и по какой цѣнѣ пограблено, не знаютъ“.

Состоящій подъ слѣдствіемъ села Уварова однодворецъ Степанъ Дикинъ показалъ, что во время замѣшательства злодѣи изъ деревни Аванасьевки пріѣзжали къ нему на хуторъ и взяли его Дикина въ деревню Коробьино, а по пріѣздѣ въ оную деревню вѣхали въ помѣщика Коробьина крестьянскій дворъ и оставили его, Дикина, на томъ дворѣ у лошадей, а сами пошли въ господскій Коробьина домъ и были тамъ часа съ два и что въ ономъ дѣлали, не видалъ, а только они, называемые казаки, изъ того господскаго дома Дикина привезли съ собой, наваливъ въ томъ же домѣ на телѣгу, запряженую мериномъ бурымъ, двѣ кадушки меду; казаки и онъ, Дикинъ, сѣвши на лошадей, поѣхали въ деревню Мордышевку и по пріѣздѣ вѣхали прямо на господскій дворъ помѣщика Мордышева, но его, Мордышева, въ домѣ не застали, а застали прикащика и били его плетьюми и, взявъ съ него денегъ, въ одномъ мѣшкѣ мѣдныхъ, по видимому рублевъ съ десять, и прикащикъ злодѣямъ ни въ чемъ не признался, но за злодѣями послѣдовалъ. Пріѣзжавшіе же въ ту деревню злодѣйской шайки шесть человекъ, кои прикащика били плетьюми и въ домѣ господскомъ пожитки грабили. Той деревни староста со крестьяны поимки погони не чинили. И по малости той злодѣйской шайки, а по множеству въ той деревнѣ крестьянъ, почему поимку не чинили, за то оному старостѣ со крестьяны, яко послѣдователямъ, учинено наказаніе плетьюми.

Староста Андрей Болдинъ и братъ его Никита показали, что они въ бывшемъ замѣшательствѣ, согласясь съ прочими для позыва въ то село злодѣевъ нарочнаго посылали, куда ѣздили и Андрей Болдинъ, почему злодѣи въ то село и пріѣхали и какъ самъ Болдинъ, такъ и однодворцы Демьянъ Степановъ съ товарищи показали, что злодѣи по всѣмъ домамъ господскимъ ходили, пожитки грабили и сколько чего пограбили, того не знаютъ.

Нигдѣ не видно, чтобы помѣщики и ихъ довѣренныя, какъ-то бурмистры, прикащики, старосты были убиваемы своими крестьянами. Всѣ эти убійства совершались, какъ видно изъ допросовъ, казаками, каторжниками изъ остроговъ, вообще всѣмъ тѣмъ сбродомъ, который не принадлежалъ не только къ мѣстному населенію, а поживлялся на счетъ другихъ безразлично, гдѣ бы ни пришлось поживиться. Мѣстное крестьянство старалось только о грабежахъ, т. е., о нанесеніи матеріальныхъ убытковъ владѣльцамъ, чтобы лишить ихъ возможности вернуться обратно въ свои помѣстья, чтобы имѣть чрезъ то возможность быть приписанными къ разряду государственныхъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи не щадились даже вотчины такихъ владѣльцевъ, которыхъ не было уже въ живыхъ, а помѣстья принадлежали мало-

лѣтнимъ сиротамъ, находившимся въ опекѣ или ближайшихъ родственниковъ. или опекаемымъ правительственною властію. Такъ Воронежскому губернатору Шетневу писано изъ Сената: „Что касается сиротъ, оставшихся послѣ несчастнаго по минувшему бунту приключенія въ невозрастномъ состояніи, то доставить свѣдѣнія, хорошаго ли состоянія тѣ люди, которые сиротъ имѣютъ въ призрѣніи. Можно ли имъ поручить принять деньги, поелику высочайшая Ея Императорскаго Величества милость и на сихъ бѣдныхъ сиротъ простирается и ни на что постороннее кромѣ поправленія сиротскихъ деревень употреблены быть не могли; буде же на нынѣшнихъ ихъ опекуновъ положиться не можно, то стараться вообще съ господиномъ благородныхъ дворянъ предводителемъ найти надежнаго и способнаго опекуна, или изъ постороннихъ таковыхъ, кто принялъ бы на себя великодушное призрѣніе сиротъ и поправленіе ихъ деревень упробить, ибо они непремѣнно за сіе получать не отъ самихъ сиротъ по возрастѣ ихъ благодареніе, но высочайшей апробаціи удостоиться могутъ, и кто таковое порученіе приметъ, то взять отъ таковыхъ обязательство“.

Что отвѣчали „благородныхъ дворянъ предводители“, въ дѣлахъ не видно. Имѣется только одинъ отвѣтъ Инсарскаго предводителя дворянства, капитана артиллеріи Машкова. Онъ писалъ:

„Многія имѣнія дворянъ находятся безъ призрѣнія, а изъ живущихъ въ уѣздѣ дворянъ въ опекуны ко онымъ сиротамъ опредѣлить и удостоить некого, потому что всѣ находятся въ отлучкахъ по разоренію своему по другимъ деревнямъ. Состоитъ только на лице подполковникъ Семень Тѣнишевъ, который имѣетъ здоровье слабое и частые припадки, почему ту комиссію принять на себя не желаетъ; а прапорщикъ князь Еникеевъ отъ роду имѣетъ 20-ть лѣтъ, почему по молодости лѣтъ сиротскаго имѣнія ему препоручить весьма ненадеженъ“.

Надо думать, что отвѣты и другихъ предводителей дворянства были въ этомъ же родѣ. Да и что было отвѣчать лучшаго, когда въ числѣ помѣстныхъ дворянъ находились лица, которыя, прикрываясь Пугачевскими шайками, сами грабили помѣстья своихъ же дворянъ-сосѣдей, какъ видно изъ дѣла секундъ-маіора Левашена?

„1774 г., Августа 4 дня, пріѣхала въ Керенской у. въ с. Никольское Макарово тожъ (гдѣ я имѣю собственныхъ своихъ крестьянъ) подъ именемъ извѣстнаго злодѣя и государственнаго бунтовщика Пугачева партія, въ которой былъ бунтовщикомъ и грабителемъ Нижне-Ламовскаго уѣзда, села Уварова, отставной прапорщикъ Николай Никитинъ сынъ Чевкинъ, который, пришелъ въ домъ мой, у оставшихся крестьянъ выспрашивалъ: „что-де гдѣ вашъ господинъ?“ На что отъ оныхъ

было отвѣтствовано, что уѣхалъ въ другую деревню, при чемъ оный прапорщикъ Чевкинъ приговаривалъ, что если бы онъ меня засталъ. то сталъ бы меня мучить мучительно и жилы изъ меня тянуть. Однако за тѣмъ, оная злодѣйская партія имѣющіеся въ домѣ моемъ всякіе пожитки разграбила и сверхъ сего еще, нашедъ въ домѣ моемъ сундучекъ со всякими крѣпостями и платежными подушными и рекрутскими квитанціями, безъ остатку передрала, а также на землю онаго села Макарова выпись и крѣпости передрали и крестьянъ моихъ всякіе пожитки грабили, а чему пограблено, тому реестръ: три жеребца, масла коровьяго 2 пуда, куръ Индѣйскихъ и Русскихъ и гусей съѣдено на 6 руб., сѣна 40 возовъ и т. д.“

При такомъ составѣ дворянства, гдѣ было, дѣйствительно. искать хорошихъ опекуновъ?...

Вообще растерянность помѣстнаго дворянства была ужасающая: все брошено, все расплзлось въ разныя стороны, и единственнымъ свѣтлымъ лучемъ, среди грозныхъ тучъ, робко свѣтитъ подвигъ маіора артиллеріи Николая Степановича Буженинова, Темниковскаго уѣзда. Его повѣренный слуга Никифоръ Фадѣевъ доносилъ:

„Сего 1774 года, Сентября 3-го дня, господинъ мой, при нынѣшней отъ вступленія въ Шацкую провинцію извѣстнаго государственнаго злодѣя и измѣнника Пугачева разбойническихъ партій опасности, прибылъ для защищенія Шацкой провинціи съ людьми своими и находился неотлучно и отдалъ одного изъ людей своихъ въ учрежденную къ поимкѣ злодѣевъ въ отправленную партію Сергѣя Фадѣева, гдѣ оный и понынѣ еще находится. Сверхъ же того, самопроизвольно реченный господинъ мой по усердію своему, войдя въ осмотрѣніе находящихся въ оной Шацкой провинціи пушекъ, которыя отъ давняго неупотребленія лафетами и прочими къ тому принадлежностями совсѣмъ были опущены, и за тѣмъ пять пушекъ во всемъ исправилъ и деревянную работу своими еще мастеровыми людьми сдѣлалъ къ оборонѣ города Шацка способными, къ чему приложилъ неусыпное стараніе; при томъ еще господинъ мой, употребилъ и на нужды по малоимѣнію въ Шацкой провинціи казеннаго пороха нѣсколько и своего собственнаго, и по указу Его Императорскаго Величества изъ той Шацкой провинціальной канцеляріи въ ономъ господину моему данъ аттестатъ, который предъявляю и прошу доношеніе и списокъ аттестата куда надлежитъ представить“. Подлинный аттестатъ подписали: Полковникъ Данило Лопатинъ, надворный совѣтникъ князь Никита Мещерскій, секретарь Ѳедоръ Лукинъ, регистраторъ Егоръ Паренаго.

А. Шишинъ.